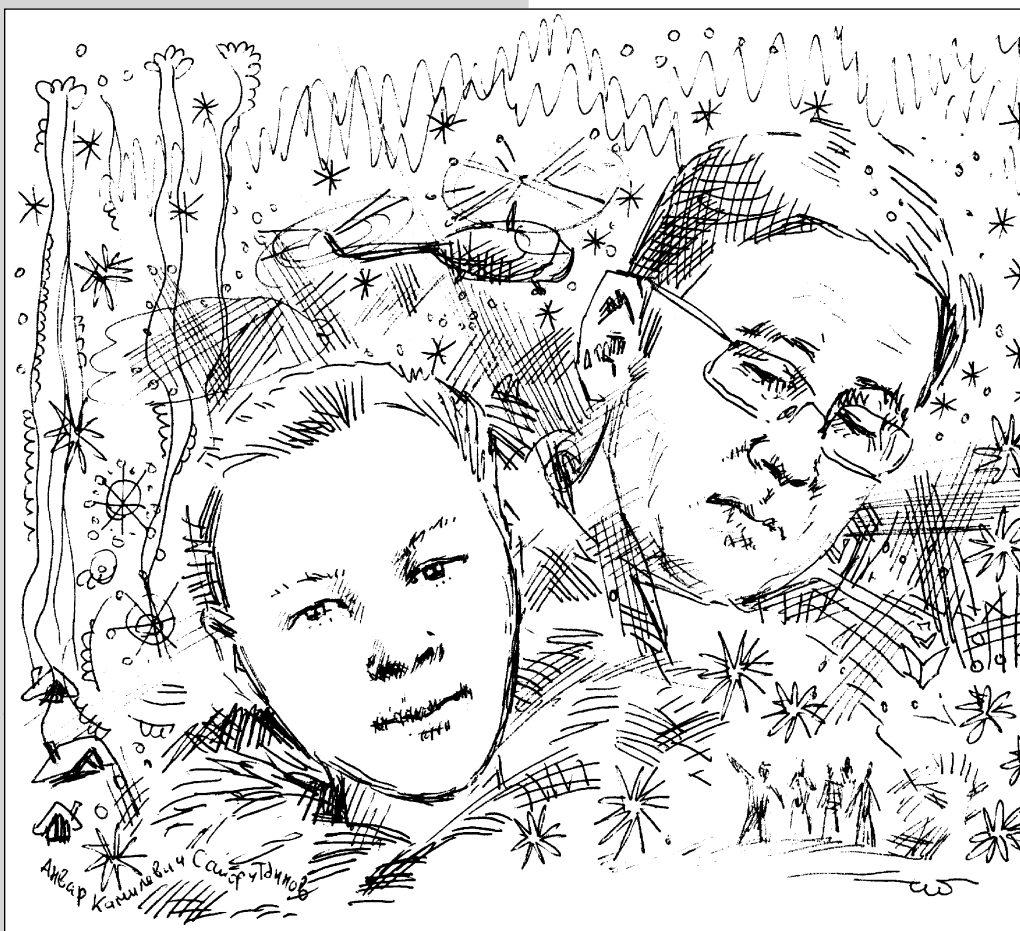

рассказ

Борис
Касаткин

Марк Твен

В тот раз начало зимы выдалось на редкость снежное, прямо гибель какая-то. Без малого две недели хоровадилась вьюга, с неба всё сыпало и сыпало. Северный городок утонул во тьме, сугробах и тумане, окрестные посёлки замело по самые крыши. Такого не помнили даже старики. Они качали серебряными головами и, не сговариваясь, утверждали, что при таком раскладе к Рождеству обязательно придавит за «полтинник»¹.

Старики не ошиблись – морозы после Нового года ударили лютые. Рвало на Лене лёд, с треском и щелканьем лопались на лиственницах не выдержавшие стужи ветки. Болота и небольшие речушки промёрзли до дна.

В тот день Валерка засиделся на работе с приезжими геофизиками и теперь споро скрипел торбасами² по пустынным улицам к дому. Пробегая мимо тёмных окон размороженного магазина, он увидел маленькую фигурку, отчаянно рвавшую запёртую дверь.

– Не работает, – бросил на ходу Валерка.

Фигурка замерла, обернулась и обессиленно сползла на крыльцо. Это был заиндеветый и измученный мальчишка, одетый в старенькую малицу³. Валерка перехватил пронзительный взгляд раскосых глазёнок и понял, что дело неладно.

– Ты чей? Живёшь-то где? – подскочил он к пацанчику.

Тот поднял голову и медленно прошелестел побелевшими губами:

– Сапсем замёрз.

Валерка дёрнул мальчишку за руку и, не обращая внимания на его вялое сопротивление, потащил к себе. Балок⁴, слава Богу, ещё сохранял тепло. Валерка раздел сомлевшего пацана, посадил его рядом с печкой. Открыл пару банок тушёнки, включил чайник. Поужинали.

– Ну, кто ты и откуда? – приступил к расспросам Валерка.

Разговора, однако, не получилось. Кешка – так звали мальчугана – плохо понимал по-русски и вдобавок засыпал на ходу. Выяснилось только, что родителей он не помнит, бедовал по людям в заполярном Чокурдахе. Кто-то посоветовал ему поехать в Ленск, где будто бы жили родственники. Но он никого не нашёл.

– Ладно, – решил Валерка, – утром разберёмся.

Спал он плохо, ворочался, размышлял, что делать с мальчишкой. К тридцати годам детьми Валерка не обзавёлся, жил после развода скучновато, от одиночества спасался книгами и охотой. В общем, решение напрашивалось.

Парнишка оказался смышлёным, уважительным, был приветлив, подку-

пал своей непосредственностью. Уже через неделю он стал называть Валерку батей, и это его сразило окончательно.

Каждый вечер они брали в руки разговорники.

- Абас, – читал мальчуган.
- Сестра, – отзывался Валерка.
- Нучча.
- Русский.

Затем пошли в ход сказки, простенькие рассказы. А вскоре Валерка понял, что при всей своей начитанности системных знаний мальчишке он дать не сможет, за плечами, как-никак, «политех». Помочь согласилась старенькая учительница Капитолина Гавриловна. Валерка иногда приходил к ней вместе с Кешкой и поражался, как она ярко, доходчиво и занимательно может рассказывать о русском языке и литературе, сколь богата и величава в действительности наша словесность и как огромен её потенциал.

Осенью Иннокентий отправился в школу и если чем-то поначалу и отличался от одноклассников, так это застенчивостью. Учился он с большим старанием, был в ладу со всеми предметами, но к русскому языку и литературе относился по-особенному. Многие потом сильно удивлялись, что «Марк Твен» – так прозвали Кешку друзья – решил поступать на экономический.

Все школьные годы Капитолина Гавриловна живо интересовалась успехами парнишки, всячески помогала, пришла на вручение аттестата. А через три дня тихо умерла во сне.

– Осиротели мы с тобой, батя, – сказал на кладбище Кешка.

В Иркутский университет он поступил уверенно, хотя конкурс был весьма приличным. Первым экзаменом неожиданно поставили сочинение, и многие «физики» на этой «лирике» сразу отсеялись. У Кешки, как и следовало ожидать, проблем не возникло. Любовь к словесности не пропала у него и в студенческие годы, когда на первый план

вышли совсем другие науки. И это чувствовалось даже по письмам:

– Знаешь, батя, я только теперь начинаю понимать подлинное значение пословиц и поговорок. Какими же мудрыми были наши предки!

– Прочитал, что ООН признаёт мировыми английский, немецкий, французский, испанский и русский языки. Я раньше об этом не ведал и страшно загордился...

Получив диплом, Кешка прилетел в Ленск на целый месяц. О своих планах говорил туманно, пропадал с приятелями в тайге, а перед отъездом неожиданно женился. Скромницу Туяру он высмотрел в Наторе, оказывается, ещё два года назад, девушка тоже росла сиротой.

Кешка звонил то из Иркутска, то из Хабаровска, то из Москвы. Закрутил его бизнес, забылась жизнь осёдлая. Валерка поначалу опасался, что северная доверчивость может оказать Иннокентию плохую услугу, но потом успокоился: парень явно нацелился на вершину горы.

Шли годы. Туяра закончила институт и работала референтом в какой-то фирме Иннокентия. Сам он постоянно чему-то учился, освоил английский, собрал у себя дома великолепную библиотеку. Кешка крепко встал на ноги, с ним считались, его уважали. Что не менялось в его жизни – это характер, остались прежними почтение к людям, доброта и отзывчивость. Иннокентий учредил стипендии для двух десятков студентов-якутов, построил на родине жены шикарную школу, оснастил её компьютерами, открыл библиотеку. На могиле Капитолины Гавриловны появился памятник из чёрного гранита. Постаревший Валерка жил в новой квартире и получал две пенсии: маленькую – от государства и весьма приличную – от Кешки. На охоту он брал теперь спутниковый телефон. Однажды этот телефон запиликал у него в зимовье среди ночи:

– В тайге опять, батя, шарисься? Куда нынче забрался? Давай сворачи-

вайся, мы через полчаса из Москвы вылетаем. От Мирного я заказал вертолёт, в общем, встречаемся в Наторе.

... На окраине посёлка народ старательно вытапывал площадку, стояло десятка два машин и снегоходов. Женщины вспоминали, как, вроде бы, совсем недавно маленькая Туяра зарабатывала на жизнь вышивкой бисером, как мастерски готовила она ойгос и суорат⁵. Мужики гадали, успел ли отправить Иннокентий по нынешнему зимнику обещанный для котельни дизель. По-январски прыткое солнце, между тем, загустело, выстыло и стремительно свалилось за сопки.

К Валерке подошёл глава местной администрации, учившийся когда-то с Иннокентием в одном классе. Поговорили про охоту, порассуждали о достоинствах самедских лаек. Начальник посёлка первым услышал рокот вертолёт и уверенно ткнул пальцем в чёрное звёздное небо:

– Марк Твен, однако, летит.

Машина сделала над поляной круг, приземлилась. Ещё и лопасти винтов не остановились, как из него посыпа-

лось все Кешкино семейство. Сам он подбежал к Валерке, обнял его и уткнулся носом в плечо:

– Букатын баттах⁶.

– Старый потому что, – откликнулся Валерка.

К другому его плечу припала красавица Туяра. «Дед!» – хором кричали трое раскосых сорванцов.

Потом по едва заметной, петляющей среди сосен дороге к посёлку рванули снегоходы и машины, большая толпа отправилась следом. За очередным поворотом приветливо замигали огоньки крохотной Наторы. Избы не спали. Дым из печных труб уходил прямо, твёрдо и смахивал на диковинные горные отроги. Люди шли навстречу теплу и радушно смеялись, балагурили, и по всему чувствовалось, насколько они близки друг другу.

¹ «Полтинник» – 50° мороза.

² Торбаса – сапоги из оленьих шкур.

³ Малица – верхняя одежда из оленьих шкур с капюшоном и рукавицами.

⁴ Балок – северная времянка.

⁵ Ойгос и суорат – якутские национальные блюда.

⁶ Букатын баттах (якут.) – совсем седой.